

Глава 28. Грусть

Под вечер вся семья Ли чинно собралась в главной комнате, ожидая ужина. Оставалось подать последнее блюдо. Как только его принесут, можно будет садиться за стол.

Вдруг в тишине отчетливо и громко заурчал живот Ли Сяосяо.

Смутившись, Сяосяо погладил живот и украдкой огляделся. Похоже, никто не обратил внимания на этот конфуз. Облегченно вздохнув, он покорно уселся на место, вяло дожидаясь начала трапезы.

Ничего не поделаешь: за день он набегался так, что все силы иссякли. Голодный, измотанный до предела, он еле держался — неудивительно, что из него словно душу вынули.

Но когда все наконец сели за стол, Сяосяо, вертя в руках палочки и уныло поглядывая в чашку с рисом, внезапно понял, что аппетит пропал.

«Проклятье. Неужели переутомился так, что кусок в горло не лезет? Или всему виной вонь от навоза и мочи, которой я надышался, пока ворошил компост?»

Да уж. С такой брезгливостью и изнеженностью настоящим крестьянином ему не стать. Одно радовало: если вовремя чистить курятник, запах помета был вполне терпимым. Значит, крест на карьере птицевода ставить рано. И слава богу, ведь если пасовать перед любой трудностью, то единственным его выходом останется женитьба. А ведь только тот гэер, у которого есть свое дело и собственные деньги, может рассчитывать на право голоса в семье.

Если бы он по-прежнему вел себя как простодушный Сяосяо — только и думал бы, что о еде да об играх, женитьба действительно стала бы пределом его мечтаний. Но ведь он изменился! Пусть физически он теперь гэер, но в душе оставался взрослым мужчиной из прошлого мира, привыкшим надеяться только на себя.

Для него жениться и сидеть на чужой шее равнялось позору. А быть нахлебником — удел ничтожеств.

Чтобы не пасть так низко, Сяосяо готов был превозмочь и брезгливость, и усталость. Подумаешь, куриный помет! Пусть сейчас придется несладко, зато в будущем он сам станет хозяином своей судьбы.

Он рассудил так: даже если не получится сразу вывести образцовую породу кур, пускай хотя бы А-Мэй высидит первую кладку. Если цыплята будут расти хоть немного быстрее обычного, у него появится весомый козырь. Тогда можно будет откровенно поговорить с отцом и А-мо о свадьбе с Цзюнь Даланом. Если уж не удастся полностью разорвать помолвку, то отложить церемонию на полгода-год он точно сумеет!

По слухам, Цзюнь Далан был на три-четыре месяца младше его самого, и шестнадцать ему должно было исполниться только после праздника Середины осени.

Господи, одному еще нет шестнадцати, второму едва исполнилось! Да они же сущие дети, какой брак! Даже если Сяосяо и заглядывался втайне на крепкое тело жениха, совесть не позволила бы ему посягнуть на несовершеннолетнего. К тому же между ними стояла куда более пугающая преграда: он сам, будучи гэером, мог забеременеть и родить ребенка!

«Нет-нет, даже думать об этом не смей. Держи себя в руках».

Поэтому, как только дела с курами сдвинутся с мертвой точки, он начистоту поговорит с родителями. Либо расторжение помолвки, либо отсрочка. За этот год он обязательно что-нибудь придумает.

Впрочем, утро вечера мудренее. Раз уж судьба забросила его в этот мир, значит, удача от него не отвернулась. Пусть он не надеялся на великие чудеса и избавление от всех невзгод, но уж выстроить жизнь по своему усмотрению ему должно быть под силу... верно?

— О чем задумался, Сяо Ци? Ешь давай. Только что на кухню прибежал, кричал, что голоден как волк, а теперь сидишь, носом клюешь...

Ши-ши с ласковой усмешкой положил в чашку сына сочную шкварку и мягко подтолкнул его в плечо. Младший совсем затих, уставившись в одну точку.

Намаялся за день бедняжка.

Раньше-то Сяо Ци помогал только по дому, по самым легким делам. А сегодня с утра крутился вместе с отцом и старшим братом Даосэнем, а потом еще и на заднем дворе возился, выдумывая какой-то хитрый корм. Конечно, выбился из сил и проголодался.

«Покушает — и пускай сразу идет отдыхать, нечего ему себя изнурять», — заботливо подумал Ши-ши.

— А? Ох... Да, А-мо, я ем, уже ем.

Сяосяо, только что воображавший себя любимцем фортуны, мгновенно вернулся с небес на землю. Смущенно улыбнувшись, он послушно уткнулся в чашку и принялся за еду.

Приходилось заставлять себя через силу. Аппетита не было вовсе, но тревожить родных не хотелось, да и проснуться посреди ночи от голодных спазмов — сомнительное удовольствие.

«Эх, пресная крестьянская стряпня, ни соли толком, ни масла... И как только прежний хозяин

этого тела уплетал ее с таким восторгом?»

Все дни после своего «пробуждения» он воспринимал местную пищу исключительно как оздоровительную диету для похудения.

Острый суп-малатан, сычуаньский хого, ароматная рисовая лапша с речными улитками, свинина гобаожоу, караси в кисло-сладком соусе, пряные блюда на жаровнях... Встретится ли он со всем этим гастрономическим великолепием в новой жизни?

От одних только воспоминаний рот наполнялся слюной. До слез обидно. На душе снова стало тоскливо.

Кое-как одолев ужин, Сяосяо вызвался помочь Ши-ши прибраться на кухне, но тот сразу попытался спровадить его в комнату. Мол, умаялся за день, иди отдыхай. Растроганный такой заботой, Сяосяо тем не менее покачал головой.

Конечно, уйти в постель было заманчиво, но любопытство пересилило: ему до смерти хотелось разузнать о прошлом его главной несущки, А-Мэй! За весь день, проведенный со стариком Ли, Сяосяо так и не выведал, откуда она взялась. Отец лишь буркнул, что они со старшим сыном только построили птичник, а кур Ши-ши выбирал сам, обойдя всю деревню. Старик лишь выдал монеты, а в подробности сделки даже не вникал.

подавив зевоту и преодолевая ломоту в теле, он увязался за Ши-ши на кухню. Хе-хе, разве может уважающий себя птицевод упустить шанс разузнать подноготную своей самой ценной «сотрудницы»?

— А-мо, я не пойду к себе. Помогу тебе прибраться и посуду помыть! — преданно заглядывая в глаза Ши-ши, твердо произнес Сяосяо.

Раз уж пообещал себе помогать по дому, отступать негоже. Посуду помыть — дело нехитрое, а за тихой работой и разговор пойдет веселее.

— Ну хорошо, помощник, оставайся, — улыбнулся Ши-ши и ласково погладил сына по голове.

Мальчик действительно вырос на глазах. Еле на ногах держится, а все равно рвется помочь. Видимо, наставления, которые они с супругом Цяо-ши терпеливо повторяли последние дни, наконец-то дошли до его сердца, а не влетели в одно ухо, чтобы вылететь в другое.

От этой мысли у Ши-ши защемило сердце — к радости примешалась горькая тоска. Осталось всего полгода, и его Сяо Ци покинет отчий дом, чтобы стать мужем Цзюнь Далана. Если мальчик и дальше будет проявлять такое же усердие и заботу, в семье мужа его точно примут с уважением.

Ши-ши прекрасно понимал, что его Сяо Ци отличается от других гэеров в Дапяо-цунь, но все равно считал своего мальчика самым лучшим. Все эти годы сын был его гордостью и главной опорой в жизни.

Но пройдет полгода, и он перестанет принадлежать семье Ли, превратившись в супруга семьи Цзюнь. Сердце Ши-ши сжималось от глухой, щемящей боли при одной мысли об этом.

«Если бы только мой мальчик мог навсегда остаться ребенком... Тогда он никуда бы не ушел и вечно был рядом со мной».

<http://bllate.org/book/20616/2209074>